УДК 94(47).081
DOI: 10.24412/2070-9773-2024-5-92-110
Дата поступления (Submitted) 09.04.2024
Дата принятия к печати (Accepted) 21.04.2024

Вехи Кавказской войны: военные события в Дидо 1857-1859 гг. (историко-этнографическое исследование)

АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ БАКАНОВ
историк, независимый исследователь
367030, Россия, Махачкала
e-mail: mr.bakanov85@mail.ru

Аннотация. Продолжавшаяся несколько десятилетий Кавказская война (1828-1859 гг. и 1817-1864 гг.) являлась уникальным, но, однако, крайне мало изученным явлением в отечественной истории. Выступая самой продолжительной и одной из самых дорогостоящих войн досоветской России, она несколько раз изменяла свои стратегические и тактические расклады и равно территорию охвата. Имея два глобальных и, в частности, периметры Северо-Восточного и Северо-Западного Кавказа и множество локальных театров действий, а равно и богатую сюжетно-событийную линию, эта последняя затрагивала многие кавказские народы. В том числе дидойцев и Дидо. При этом, главнейшие события времен Кавказской войны в Дидо происходили в конце 50-х гг. XIX в.

Ключевые слова: *Российская империя, Кавказ, Дагестан, Дидо, Китури, Кавказская война, аул*

Milestones of the Caucasian War: military events in Dido 1857-1859 (historical and ethnographic research)

ALEXANDER V. BAKANOV
Historian independent researcher
367030, Russia, Makhachkala,
e-mail: mr.bakanov85@mail.ru

Abstract. The Caucasian War (1828-1859 and 1817-1864), which lasted for several decades in a row, was and is a unique, but extremely poorly studied phenomenon in Russian history. Being the longest, and one of the most energy-intensive and expensive wars of pre-soviet Russia, it changed its strategic and tactical layouts, as well as its coverage area, several times. Having two global and in particular the perimeters of the North-Eastern and North-West Caucasus and many local theaters of action, as well as a rich plot and event line, this latter affected many Caucasian peoples, including the Didoi people and Dido. At the same time, we will indicate that the most important events of the Caucasian War in Dido took place in the late 50s XIX century.

Keywords: *Russian Empire, Caucasus, Dagestan, Dido, Kituri, Caucasian War, aul (mountain settlement)*

На момент окончания Кавказской войны (1828-1859 гг. и 1817-1864 гг.), объединенные в единый конфедеративный союз, дидойские вольные общества (Дидо-Шаитль, Дидо-Асах и Дидо-Шуратль), являлись органичной частью Имамата. Своею совокупной территорией эти последние исторически представляли единое, и вместе с этим обособленное историко-культурное пространство, именуемое как Дидо. Расположенное на пограничье современного Дагестана и Грузии в изучаемый отрезок времени – в первом случаи оно соприкасалось с Антратльским, Анцухским, Капучинским, Хваршинским и Ункратльским вольными обществами как и Дидо, являвшимися тогда частью Имамата, – а во втором с территориями горной Тушетии и землями Кахетии, лежащими у Алазани. Представляя из себя исключительно высокогорные (разбег высот от 1500 до 3000 т. м. и более над уровнем моря) и крайне трудно проходимые территории, ограниченные с юга Главным кавказским, а на востоке Богосским и Мичитлинским, горными хребтами, а на северо-западе отрогами Перекительского хребта тем не менее в системе Имамата периметры Дидо имели важное значение. С одной стороны, они как естественная, и весьма крепкая природная преграда мешали свободному проникновению имперских войск во внутренние пределы Имамата, а с другой, соприкасаясь с закавказскими владениями России, являлись относительно выгодным плацдармом для наступательного движения дагестанских горцев в эти последние. Помимо этого, как на то прямо указывается в XII томе «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией», дидойские периметры являлись житницей всей юго-западной части Дагестана [1, с. 1110]. «Голых, лишенных всякой растительности

скал» как замечает посетивший Дидо в 1867 г. этнограф Н.И. Воронов в отличие от других частей Нагорного Дагестана «здесь совсем не видно». Наоборот, «все вершины и скаты гор покрыты тучными лесами, а ближе к течению главных потоков произрастают хорошие дровяные леса, нередко перемежаясь строевыми деревьями. Тучный чернозем и обилие влаги дают здесь урожай сам 15 – 20» [2, с. 22], а то и вовсе «85 зерен» [1, с. 1051]. «Пшеница и ячмень превосходного качества» [1, с. 1051]. «На горах, входящих по положению своему в альпийскую полосу, находят обильный корм не только местные, но и чужие стада…». Леса и луга изобилуют дичью; горные потоки, и в особенности озерцо Хупро – превосходной форелью; в лесах много ягодных кустарников, а также грибов» [2, с. 22]. При этом обозначим то, что в XIX столетии территории, занимаемые Дидо, при учете с. Хушет Цумадинского района в целом могут быть приравнены к тем пространствам, которые на современном этапе входят в состав Цунтинского района Республики Дагестан.

Нужно обозначить, что процесс включения дидойских территорий в лоно Имамата, наметился сразу же по образованию данного государственного образования, а именно в 30-е гг. XIX в. [3-5]. В целом в периметрах Дидо данный процесс, как и во многих прочих дагестанских районах и местностях, имел рваную динамику, и происходил достаточно болезненно. На том отрезке времени в дидойских обществах не было единства относительно вопроса уместности и целесообразности оказания вооруженного сопротивления поэтапно усиливающемуся присутствию России на Кавказе. Однако, по началу 40-х гг. XIX столетия, с расцветом государства Имамат и его идеологии [6], подавляющее большинство народонаселения дидойских вольных обществ, воочию видя просчеты и ошибки имперской политики на Кавказе [7; 8] поддержали взгляды и идеи движения мюридизма и будучи включены в данное государство, их территории составили особое наибство [5; 9; 10]. Начиная с момента образования данного наибства и вплоть до самого окончания военных действий в периметрах Восточного Кавказа, где заметим, что эта данность стала окончательно возможной лишь только 25 августа 1859 г. [11, л. 16] это последнее по данным имперских источников именовалось как Дидойское наибство [1; 8]. Как опять же на то указывают источники, спустя некоторое время после образования только что упомянутой территориально-административной единицы (изначально включавшей в себя совокупность территорий Дидо-Шаитля и Дидо-Асаха, а также и Дидо-Шуратля) из ее состава были выведены периметры Дидо-Шаитля, так как, начиная с 50-х гг. XIX столетия, данные пространства начинают обозначаться как отдельное Иланхевийское наибство в системе Имамата [1; 12; 13].

Дидойское нагорье. Фото: Баканов А.В.

В основном, в плане административного контроля и заведывания Иланхевийское и Дидойское наибство, управлялись отдельными наибами, но все-таки их мог возглавить и один наиб [1]. И тут же констатируем то, что за исключением единственного случая, когда Дидойское наибство по прямому распоряжению Имама Шамиля в начале 50-х гг. XIX в. возглавил Хаджи-Мухаммад из Тинди[1], а дидойский наиб Джабулав в связи с этим был переведен на тождественную должность в Карату, все наибы этих двух наибств происходили из местных уроженцев.

Хотя на сегодняшний день в отечественном кавказоведении и не имеется ни каких точных данных относительно того как были устроены и функционировали Дидойское и Иланхевийское наибства в динамику 40-х и 50-х гг. XIX столетия, однако можно предположить, что на том отрезке времени они имели тот же вид что собственно и прочие наибства Имамата. Тем не менее, наравне с только что озвученным также с большой долей вероятности можно говорить и о том, что в ту пору только что поименованные территориально-административные единицы имели и некоторые особенности в своем внутреннем устройстве. По компетентному суждению Н. И. Покровского, Имамат никогда не являлся сугубо унитарным государством, а диалектически наоборот, при единой и достаточно хорошо отлаженной вертикали власти, всегда воспринимал и учитывал имманентные особенности и специфики тех периметров, которые в него входили [6]. В условиях Дагестана данная тенденция была крайне актуальна, так как в пределах этого региона исторически проживало до 3-х десятков автохтонных этносов, а каждая отдельная сельская община дагестанского периметра в силу ее консервативности, как правило, являлась не похожей на другую [14-16]. В связи с этим нет никакого сомнения, что на протяжении 40-х и 50-х гг. XIX столетия абсолютно все джамааты Дидойского и Иланхевийского наибства при верховном контроле и заведывании наиба во многом сохранили свои прежние внутренние распоряд-

ки и выборную власть. Очевидно, что на том отрезке времени в дидойских обществах выборы старшин, как и прежде производились ежегодно, а эта должность поочередно переходила от одного тухума (рода) к другому, по их количеству в селении [15, 17]. Как и прежде все насущные вопросы и в том числе вопросы, связанные с выборами сельской администрации, решал общеджамаатский сход, который как и повсюду в Дагестане у дидойцев состоял из всех совершеннолетних мужчин домохозяев [9; 15]. При этом обозначим, что сама дидойская община в социально-политическом отношении всегда являлась крайне замкнутой, закрытой и консервативной единицей[2].

Тогда, когда территории Дидо как ввиду своего выгодного географического положения, так и ввиду наличной экономической базы занимали стратегическое положение в системе Имамата, то это понимало и российское военное командование на Кавказе. Следует отметить, что еще в 1830 г., следуя логике, повсеместно стеснять и блокировать (политически и экономически) непокорных горцев северо-восточного Кавказа и тем самым приводить их в подданство России, кавказская администрация приступила к планомерному созданию в Закавказье широкой сети военных укреплений [6; 7]. Получив название Лезгинской кордонной линии, система этих укреплений проходила по равнинным и предгорным, а отчасти и высокогорным территориям современной Грузии, а равно и Азербайджана. Закрывая Кодорский перевал, а также и все дидойское нагорье с его многочисленными тропами и ущельями, ведущими на Алазанскую долину, и в Тушетию данная линия, помимо прочих дагестанских территорий, блокировала и Дидо. Заметим, что в последующем, а именно в 40-е гг. XIX столетия, ее логистические и военные возможности были еще больше развиты [10; 18; 19], а в 50-е гг. последняя была доведена до совершенства [1]. Говоря же о Дидо в отдельности, следует отметить, что с развитием Лезгинской кордонной линии, изначально занимавшие лишь только выход из Кодорского ущелья, военные укрепления имперской армии за временем переместились в глубь этого последнего, в связи с чем в 1853 г. на скате образующих его гор были построены оснащенная артиллерией первая кодорская башня, и небольшой военное урочище [20, л. 1-3]. «В дни Шамиля» не считая регулярного гарнизона «тут стояло по 100 человек грузинской милиции, и в каждом маленьком ущелье дежурили посты» и пикеты, а «около них на высоких шестах торчали кучи сена, которое зажигалось при первой тревоге» [21, с. 424]. Аналогичным образом на том этапе времени перекрывались и все ущелья, связывающие дидойские периметры с Тушетией, а в 1858 г. кавказская администрация приступила к возведению второй кодорской башни [1]. Таким образом, на всем протяжении 30-х и 40-х, а в особенности 50-х гг. XIX столетия территории Дидо находились под неусыпным наблюдением имперских войск.

Важно подчеркнуть, что, хотя на всем протяжении 30-х и 40-х, а в особенности 50-х гг. XIX столетия, расположенные в непосредственной близости от Лезгинской кордонной линии периметры Дидо и находились в оптике имперских войск, однако, тем не менее, последние не сразу стали территорий активных действий. Следует отметить, что на всем протяжении первых двух, а точней и более первых двух с половиной десятилетий ведения Кавказской войны, исчислявшийся в несколько десятков тысяч человек контингент российских войск, сосредоточенных как внутри, так и вокруг Дагестана при обширности данного региона и его труднопроходимости по всем правилам военной науки, оставался недостаточным для ведения тотального и активного наступления в горы, а основные удары Империи по Имамату тогда производились со стороны Чечни и северного Дагестана [6; 22-25]. Таким образом, в ту пору в Закавказье дислоцировалось лишь только то количество войск, наличность которых требовалась для его надежной обороны [23; 24]. Заметим, что параллельно с оборонительными функциями, находящиеся в данном регионе подразделения, если того требовала ситуация и имелась возможность должны были проводить упреждающие или же диверсионно-разведывательные экспедиции в близлежащие дагестанские районы, подвластные противнику, а также такие экспедиции, которые в стратегических целях сковывали бы и отвлекали часть его сил от основного театра военных действий [23; 24]. Важно подчеркнуть, что именно такого характера и являлся крупномасштабный поход подразделений имперской армии вглубь Дидо под руководством генерала Г.Е. Шварца, состоявшийся летом 1845 г [6; 10]. Вплоть до самого 1857 г. этот поход являлся самым массовым и обширным по своему географическому охвату вторжением имперской армии в представленную область. По замыслам имперского командования данная экспедиция, вместе с параллельным движением войск под началом генерала М. З. Аргутинского-Долгорукова по направлению Ириба и действиями Чеченского отряда должны были притянуть к себе силы и внимание юго-западной и северной части Имамата, и тем самым дать возможность основному отряду спокойно двигаться и действовать у Дарго [6; 25]. И тут же обозначим то, что в отсутствии полномасштабных военных действий и операций имперской армии в Дидо вплоть до самого 1857 г. его нагорье в 40-е и 50-е гг. XIX в. как сильно жалящие осы ежегодно тревожили небольшие, (численностью от десятка до двух-трех сотен человек) диверсионно-разведывательные группы и экспедиции, нацеленные на сбор полезной информации, а равно и уничтожение материаль-

но-технической и экономической базы данного района [1; 3-5; 10; 27, л. 1-2].

Тогда, когда вплоть до самого окончания Кавказской войны в периметрах Восточного Кавказа имперские войска и подчиненные им иррегулярные милиции на регулярной основе занимались диверсионно-разведывательной деятельностью по отношению Дидо, то, скажем, тоже самое тогда по отношению имперских сил и средств осуществляли и дидойцы. Следует отметить, что хотя на всем протяжении 30-х и 40-х, а в особенности 50-х гг. XIX столетия периметры данного района при создании и развитии фортификационных и заградительных сооружений Лезгинской кордонной линии и были достаточно неплохо заблокированы, но однако как на то прямо указывают множественные факты, прекрасно знавшие все лазейки и в своем собственном и в пограничном нагорье, дидойцы, несмотря на все сложности и препятствия с завидной регулярностью проникали в это пограничье и достаточно успешно тревожили как регулярные подразделения армии, так собственно и кахетинские, а так же и тушетские селения [1; 3-5; 10]. Помимо этого, они также занимались сбором разведывательной информации, и уничтожением материально-технической и экономической базы своего противника. Как и в случаи с имперскими войсками и иррегулярными милициями, периодически тревожащими Дидо, проникновение дидойцев в закавказские владения России происходило малыми группами, и по крайней мере в 40-е и 50-е гг. XIX столетия осуществлялось ежегодно. Очутившись в кахетинских или же тушетских территориях великолепно знавшие и повадки, и язык своих соседей, да к тому же отлично ориентировавшиеся на пересеченной местности, дидойцы в отместку за тождественные действия своих противников уничтожали их хлеба, угоняли крупнорогатый и мелко-рогатый скот, отравляли источники питьевой воды, подрывали пороховые погреба, атаковали отдельные пикеты и караулы, разрушали мосты и понтонные переправы, а также брали ценных «языков» [1; 3-5; 10]. При этом обозначим то, что единственным крупномасштабным движением дагестанских горцев в закавказские владения Российской Империи за годы Кавказской войны со стороны Дидо было состоявшееся в 1854 г. опустошительное вторжение Имама Шамиля в Кахетию [6].

Если вплоть до самого 1856 г. территории Дидо являлись высвобождены от проведения полномасштабных военных операций, то, скажем, далее представленный расклад *de facto* быстро изменился. Следует отметить, что к этому времени завершилась по сути ставшая войной между Российской Империей и всей Европой Крымская война (1853-1856 гг.), и отвлеченные на ее театры действий подразделения Кавказской армии вернулись на места своего прежнего

Бойница оборон. башни с. Китури. Вид изнутри. Фото: Баканов А.В.

дислоцирования [6]. В дополнении они были усилены новыми воинскими частями, а общая численность Кавказской армии, не считая местных иррегулярных милиций, доведена в среднем до количества чуть более двухсот тысяч человек и переоснащена современной артиллерией и нарезным оружием [6]. Получив чувствительное поражение в Крымской или как ее еще принято обозначать в имперской историографии Восточной войне, (так как по сути своей логики она была продиктована противоборством мировых держав того времени за экономическое и политическое преобладание на Ближнем и Среднем Востоке) и подписания крайне невыгодных условий Парижского мирного договора (1856 г.), России нужно было во что бы то ни стало реабилитироваться, и завершить процесс завоевания Кавказа [28; 29]. Предварительно убедив Государя Императора и одновременно приятеля своей молодости Александра II в возможности быстрого покорения Кавказа и получив в 1856 г. назначение на должность его наместника князь А.И. Барятинский прекрасно видя все просчеты прошлого и перспективы будущего изменил там тактику ведения военных действий. «Получив разрешение к действию» как подчеркивает генерал Д.И. Романовский с 1857 г. данный военачальник «отдал предпочтение обычным укреплениям, укрепленным военным лагерям (способным к быстрому передвижению) которые сосредотачивали внимание горцев на себе, и отвлекали их от хозяйственных работ», где «через это», как опять же на то указывает генерал Д.И. Романовский, «действуя твердо и решительно» фельдмаршал «рассчитывал» отрывая местное народонаселение «от заготовок сена и посевов» и продолжая день и нощно сжимать кольцо блокады подорвать его экономическую «базу» [30, с. 67]. Помимо этого, начиная с 1857 г. взамен крупномасштабных, но по сути малоэффективных в горной местности сквозных походов через территории Восточного Кавказа имперские войска должны были там начать действовать относительно небольшими, но скоординированными

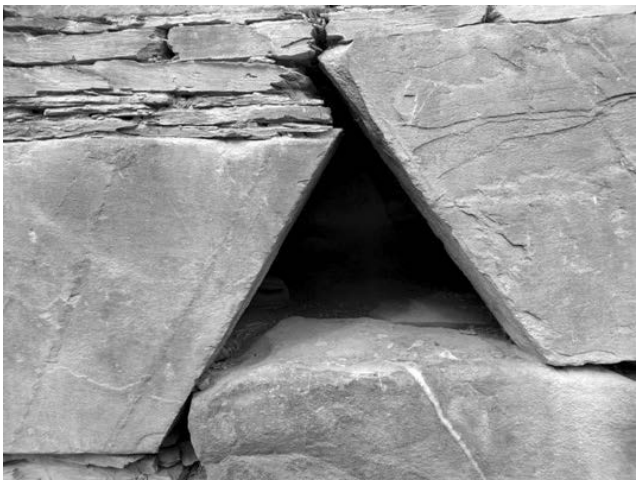
между собой отдельными отрядами бьющими по самым важным с экономической точки зрения пространствам Имамата [31]. Растягивая и распыляя его военные и материально-технические ресурсы, постоянно маневрируя и обманывая непокорных горцев они должны были опалять и разорять приграничные и самые хлеборобные территории Имамата, и как писал Р. Фадеев «покоряя человека за человеком» [29, с. 33] надкусывать и отрывать его отдельные районы [22]. При этом обозначим то, что за этим князь А.И. Барятинский рассчитывал ни больше и ни меньше разорить и обескровить непокорный край. И сделать так, чтоб Имамат, лишившись, сил и средств, рассыпался на составные части.

Продолжая и развивая мысль относительно хода и динамики действий имперской армии в периметрах северо-восточного Кавказа в промежуток с 1857 по 1859 гг., отметим то, что на том отрезке времени в отличие от прошлых лет, Кавказская война велась фактически без передышки. Следует отметить, что, сосредоточив еще осенью 1856 г. в пределах северо-восточного Кавказа контингент сил, исчислявшийся порядком 130-140 т.ч., да еще и имея в своем распоряжении внушительное количество местных, т.е. кавказских милиций [31], военное командование на Кавказе в отличие от прошлых лет, наконец-то получило возможность для повсеместных и активных действий. Получив возможность атаковать Имамат фактически с любом из направлений и одновременно безо всяких на то проблем ротировать личный состав, задействованных в военных походах и отвлекающих маневрах подразделений, и параллельно с этим еще и круглогодично производить работы по сооружению новых военных укреплений и путей передвижения, и тем самым пошагово сжимать и сужать кольцо блокады, и равно открывать для себя новые пути в нагорье Дагестана и Чечни, военные чины решили наступать на Имамат и с тыла и по флангам [22; 31]. Как на то прямо указывают множественные источники на всем протяжении с 1857 по 1859 гг. движение имперских войск в пределы непокорной части северо-восточного Кавказа при скоординированности и педантичной выверенности этих ударов и маневров осуществлялось со стороны Чечни, а также Прикаспийского края и равно левого крыла кавказской оборонительной и лезгинской кордонной линии [1; 12; 13], а результатом то, что уже осенью 1858 г. малая и большая Чечня, – главные житницы Имамата, и как минимум треть его территории остались за Россией [30, с.67]. Помимо этого, к данному отрезку времени многие разоренные и доведенные до полного отчаяния общества северной и юго-западной части нагорного Дагестана, не видя никакого реального вспоможения от Имама Шамиля и его наибов, к слову, связанных тогда по рукам и ногам сверхактивными действиями имперской армии, осознавая бессмысленность противодействия откололись от Имамата и прекратили всякое сопротивление [6]. И тут же обозначим то, что весной и летом 1859 г. по Имамату был нанесен последний, мощный и решительный удар [32]. А результатом данного удара стало то, что 25 августа этого года при несопоставимости экономических и военных сил противников и утомленности непокорных горцев крайне дорого стоящая для России война в периметрах Восточного Кавказа «окончание дел» которой еще в июне 1857 г. в глазах министра обороны Империи Н.О. Сухозанета представлялось «желанием, осуществить вдруг которое» не представлялось тогда «возможности» [1, с. 630] была победоносно завершена, а территории данного региона окончательно интегрированы в общероссийское пространство.

Возвращаясь к оставленной чуть выше тематике Дидо следует отметить, тогда, когда территории данного района устойчиво являлись главной житницей всей юго-западной части Дагестана, то это обстоятельство являлось фактором того, что в период с 1857 по 1859 гг. последние подверглись разорению. Нужно обозначить, что в представленный отрезок времени в пределы данной области с левого фланга Лезгинской кордонной линии было отправлено 5 относительно крупных военных экспедиций, где их целью и одновременно стратегической задачей являлась не ее тотальная оккупация, как на то указывают некоторые не имеющие на то никаких подлинных доказательств и в связи с этим выдающие желаемое за действительное дагестанские специалисты в области Кавказской войны, а только разорение данных территорий [1; 12; 13;]. «Вся страна Цунтал», – тоже самое что и Дидо только в вариации аварского языка как это замечает посетивший ее территории по заданию расположенного в г. Санкт-Петербург Русского этнографического музея летом 1917 г. А.К. Сержпутовский «окруженная горными хребтами, вершины которых покрыты вечными снегами», и «представляет собой также сплошные горы, нагроможденные в беспорядке одна на другую. Благодаря этому вся «страна Цунтал» продолжает все этот же автор «почти круглый год остается совершенно замкнутой» и «недоступной». «Зимою снегом заносятся все тропинки и ущелья» нередко в «десятки метров глубиной», где «проехать по снегу нет никакого» шанса и «жители часто лишены возможности выйти даже из селения». «Весной и вплоть до половины июня от таяния снегов с гор льются потоки воды», которые «уносят даже довольно тяжелые камни» и «разрушают все тропинки». «А осенью постоянные дожди разрушают горные тропы и делают эту страну» фактически непроходимой [33, с. 277-278]. Заметим, что в данных условиях оккупация этого и ему подобного района с точки зрения военного искусства и стратегии являлась бы бессмысленным мероприятием. При

населении от 4 до 7 тысяч человек[3]. [34-37], где в исторической традиции Дагестана как минимум треть, а то и половина этого последнего была боеспособна, а остальная часть в своем превалирующем большинстве усиленно бы помогала первой и обширности вышеприведенной области ее тотальный контроль и оккупация могли быть осуществимы лишь только при концентрации там отряда в 2-3 т.ч. Оставлять такой отряд в фактически наглухо изолированном почти на 9 месяцев в году районе, означало бы оставить его там на верную погибель. Будучи оторванным от внешнего мира, а значит и продовольственной базы и разбросанный малыми группами по территории Дидо ввиду предварительного разорения данной области этот отряд не нашел бы там ни сена для лошадей, ни провианта для солдат и офицеров и, находясь в условиях каждодневной партизанской войны, просто-напросто был бы в какой то своей части истреблен разъяренными и прекрасно знавшими свое же собственное нагорье дидойцами и пришедшими к ним на выручку, а частью просто вымер бы от голода. Максимум кто бы к нему пришел на помощь это небольшие диверсионно-разведывательные группы, которые просто ну никак не смогли бы оказать ему никакого содействия. И даже более того, скорей всего они и сами бы попали под жестокий бой. И здесь же обозначим то, что помимо разорения Дидо, как это прямо говорится в документах, другой задачей вышеприведенных экспедиций являлась рекогносцировка местности, а также отвлечение сил и средств противника, в сокрытии главного удара.

Продолжая и развивая мысль относительно выше обозначенных военных экспедиций в Дидо, где заметим, что первая и вторая из них производились с 1-го по 24-е июля и с 17-го августа по 1-е сентября 1857 г., а третья и четвертая в своей очередности с 15-го по 29-е июля и с 17-го по 30-е августа 1858 г., а пятая в свою очередь с конца июня по конец августа 1859 г. [12; 13], отметим, что все они в своих тактических раскладах и стратегии имели однотипный профиль. Нужно обозначить, что как и в случае с тактикой и стратегией действий относительно всего Имамата в последние годы его существования данные военные экспедиции производились не одним единственным ударом и направлением движения воинских частей, а как раз-таки наоборот при определении как минимум двух, а то и трех театров действий и разделении сил и средств на части. К примеру, в 1857 г. при движении главного военного отряда через Кодорское ущелье в центр Дидо этот отряд, находящийся под руководством генерала И.А. Вревского с правого фланга прикрывали войсковые соединения под руководством генерала И.М. Андроникова, совершавшие боевые маневры на территории Антратля и тем самым отвлекавшие народонаселения собирающих его обществ от

Бойница оборонительной башни с. Китури. Фото: Баканов А.В.

вспоможения дидойцам, а с левого фланга по направлению горная Тушетия – Дидо автономно действовали подразделения под начальством полковника Шаликова, стягивавшие на себя часть дидойских сил и лишь только после двух недель самостоятельного движения и боевых будней соединившиеся в том году с главным отрядом [12; 13; 38; 39]. Следует отметить, что при смене отдельных имен и фамилий и отдельных частных сюжетов, где, к примеру, в 1858 г., да как собственно и в 1859 г. главный экспедиционный отряд, действовавший в периметрах дидойских территорий зашел в эту область не через Кодорское ущелье, как это было в 1857 г., а через горный хребет Бешо, а находящиеся в Атратле подразделения армии уже не просто маневрировали там, а наносили беспощадные и разительные удары по этому обществу, а тушетский отряд был доверен не полковнику Шаликову, а сменившему его кн. Чеколаеву, в 1858-1859 гг. военные походы в Дидо в целом производились по тому же самому сценарию, что и в 1857 г., а именно тройным ударом [12; 13; 40]. Параллельно с этим в момент вторжения главного и вспомогательного отряда в Дидо и отряда прикрывающего их с правого фланга в Антратле оставшиеся на лезгинской кордонной линии и находящиеся в горной Тушетии войска и иррегулярные милиции ставились в ружье и начинали совершать маневры [1]. Обозначая новое вторжение в Дидо и одновременно оцепляя весь внешний диаметр данного района, они концентрировали на себе внимание дидойцев и тем самым как и эклектика ударов и их направлений распыляли силы противника и во многом развязывали руки уже зашедшим туда подразделениям. И тут же обозначим что в каждой отдельно взятой экспедиции в Дидо в период с 1857 по 1859 гг. при общей совокупности регулярных и иррегулярных подразделений армии, и как минимум 10-ти артиллерийских орудиях участвовало от 8 до 10 тысяч человек. Антратльский же отряд формировало от 3 до 5 т.ч., тогда как на Лезгинской кордонной

линии и в Тушетии в целях ротации и отвлекающих маневров в постоянной боевой готовности находилось еще порядка 8-9 т.ч. представлявших как регулярные, так равно и иррегулярные подразделения.

Тогда, когда обозначение двух, а то и трех театров военных действий и направлений движения войск по отношении Дидо, да как собственно и нескончаемые маневры иррегулярной милиции и регулярных воинских частей, сконцентрированных на Лезгинской кордонной линии и в горной Тушетии приводили к распылению сил и средств непокорных горцев, а значит и уменьшению их оборонительного потенциала, то, скажем, это все войска осуществляли и на марше. Как на то прямо указывают источники при движении вглубь Дидо будь то вспомогательные или же основные отряды абсолютно любой из военных экспедиций отправленных в этот район между 1857-1859 гг. в противоположность предшествующему опыту походов в пределы Имамата, двигались там не одной сплошной, и от того достаточно легко поражаемой колонной, а наоборот двумя или тремя скоординированными и маневренными отделениями, находящимися друг у друга в зоне визуального контроля, да к тому же еще и надежно прикрытых по флангам ротами стрелков вооруженных первоклассным нарезным оружием [1; 12; 13]. То сходясь, то расходясь между собой, и страхуя друг друга в любой из ситуаций и неустанно маневрируя они, то растягивали, то сужали линию боевого соприкосновения, и тем самым в очередной раз распыляли силы горцев. Точно также они продолжали двигаться и действовать и когда основной и вспомогательный отряд соединялись между собой, а также и тогда, когда их отдельные колонны или же подразделения отправлялись для эвакуации раненых и равно в боевое дело. При этом акцентируем то, что, используя представленную тактику – одновременно распыляя и растягивая силы недруга, и иже проходясь по территориям дидойского нагорья как будто бы широкая, но тем не менее весьма мобильная и юркая железная гребенка имперские войска пусть и встречая жаркое сопротивление со стороны противника в период с 1857 по 1859 гг. сумели нанести ему, а значит и всему Дидо достаточно существенный урон. А доказательством данному обстоятельству может служить тот факт, что к окончанию июля 1859 г. «все селения Иланхевийского и Дидойского обществ, с их посевами и хуторами исключая <…> селений Мукуки и Хебатль которые отделены от Бешо непроходимым скалистым ущельем и достигнуть которых можно лишь продолжительным обходом» были, в той или иной мере, а некоторые и не раз «истреблены» имперскими войсками [1, с. 1178].

Говоря о степени разорения дидойских селений произведенного имперскими войсками в канун 1857-1859 гг. отметим то, что на том отрезке времени меж оными она была не равнозначна [1; 12; 13]. Нужно обозначить, что в одних случаях эти селения и их отселки – хутора да как собственно и все их посевы были сожжены дотла, а сторожевые и оборонительные башни подорваны с помощью заложенных под них фугасов. В других же случаях при уничтожении всех, ну или по крайней мере большей части посевов они были просто напросто крепко потрепаны, а хутора и вовсе оставались целы. В отдельных случаях, сохраняя каменные каркасы башен и жилых строений и имея рядом прекрасный строевой лес и камень, они могли быть восстановлены в сжатые сроки, а в других они были разорены на столько, что на их восстановление и восстановление их хуторов требовалось длительное время. В любом случае при данных раскладах материально-техническая и экономическая база территории Дидо была пусть если и не полностью, как о том свидетельствуют некоторые источники, отображающие ход тех событий, но, по крайней мере, наполовину уничтожена. Заметим, что наполовину, а не полностью она была уничтожена во многом потому что в периметрах данного района исторически была развита система хуторского заселения, при которой каждое материнское село, смотря на его величину, имело как минимум 10, а то и 30-40, а иногда и более отселков по несколько домов. Уничтожая экономическую и материально-техническую базу селений, имперские войска очень часто не могли, а иногда и просто не стремились добраться до расположенных по каждому ущелью хуторам и тем самым в этих последних сохранялись обширные площади посевов и достаточно внушительное поголовье скота. Помимо этого, при суровом климате местности, абсолютно все дидойские общества имели запасы посевных семян и запасы продовольствия как минимум на год. Видя надвигающуюся опасность, жители этих обществ, а разведка у дидойцев всегда работала на должном уровне, передавая сигнал тревоги, по средствам сигнальных башен начинали максимально бережно и максимально быстро эвакуировать все свои запасы в безопасное место и угонять свои стада в высокогорье. Как правило, все эти территории являлись крайне неудобны для проникновения имперских войск. При этом объективно сохраняя силы и ресурсы для существования, Дидо при вышеприведенных экспедициях как факт уже не мог быть житницей для юго-западного Дагестана.

Тогда, когда на всем протяжении периода 1857-1859 гг., находящиеся будто бы в кипящем котле, территории Дидо были постоянно разоряемы превосходящими горцев и, в численности, и в вооружении войсками имперской армии, то в тот отрезок времени в рядах последних присутствовали и так называемые партизанские отряды [1; 12; 13]. Нужно обозначить, что данные

отряды представляли собой самые настоящие боевые диверсионно-разведывательные группы, сформированные из прекрасно ориентирующихся на пересеченной местности и тренированных людей, нацеленных на уничтожение материально-технической и экономической базы своего противника. Заходя на территории Дидо, частью с колоннами войск, а частью уже после закрепления подразделений армии в данных периметрах эти последние рассредотачивались там малыми группами и начинали заниматься своим делом. Пользуясь отвлечением горцев на движение и действия, да как, собственно, и всевозможные уловки и маневры войск и их максимальным распылением они незаметно и быстро подбирались к близлежащим или же отдаленным и труднодоступным, но ослабленным в плане своей обороноспособности дидойским аулам и хуторам и выжигали их посевы. Помимо этого, данные мобильные группы угоняли скот, производили рекогносцировку местности и сил противника, и равно вычисляли те места, где горцы прятали запасы. Нужно обозначить, что только в 1857 г. перед началом войсковой операции в Дидо и сопровождающей ее в Антратле на Лезгинской кордонной линии и Тушетии было сосредоточенно не менее 350 человек, относящихся к так называемым партизанским отрядам [1] и нет сомнения, что как минимум треть из них тогда зашла в Дидо. Аналогичной ситуация была и в канун походов 1858-1859 гг., в которых как на то прямо указывают источники опять же и в не меньшем количестве чем предыдущий год участвовали партизанские отряды [12; 13]. При этом обозначим то, что как правило, представленные только что подразделения формировались из разных дагестанских этносов, не принявших идеи мюридизма и служащих на том России, а также кахетинцев и тушин. Заметим, что в них также были и потомки тех дидойцев, которые в канун исламизации Дидо в последней трети XVIII и начале XIX вв. не приняли ислам, и с этим были изгнаны своими же сородичами в Грузию.

Важно подчеркнуть, что, хотя в канун любой из вышеприведенных военных экспедиций в Дидо силы и ресурсы местных горцев, где заметим, что при численности населения в 4-7 т.ч. [34-37] эти последние едва ли могли выставить тогда в ружье 2-3 т.ч. уступали силам и средствам имперской армии, однако, тем не менее, они отчаянно оборонялись. Да, действительно, и в 1857 г. и в 1858 г. на выручку попавшим в огненные тиски дидойцам пришли относительно многочисленные (по данным официальных реляций порядка 8-10 т.ч. а по данным войсковой разведки не более 3-3,5 т.ч. без единого артиллерийского орудия) отряды, возглавляемые в первом случаи лично сыном Имама Шамиля Гази-Мухаммадом, а во втором его тестем Ирибским наибом Даниял беком Султаном [1; 12; 13], но собственно и в

1, 2-й этажи оборон. башни с. Китури. Вид изнутри. Фото: Баканов А.В.

этом случаи ресурсы двух сторон, по сути, были несоизмеримы. Тем не менее, даже в этой ситуации как дидойцы сами, так и пришедшие к ним на выручку горцы западного и центрального Дагестана не отказывались от предоставившейся им возможности померяться силами, но, однако, на том отрезке времени при смене тактики и стратегии действий и движения имперских войск в периметрах Восточного Кавказа и существенном увеличении их численности они по большей части оставались лишены возможности к маневру, а также и инициативы. Вынужденные распыляться между двумя, а то и тремя направлениями движения и ударов имперских войск, а также и широким фронтом наступления основного и вспомогательного отряда, а равно и неимоверной активностью подразделений сосредоточенных на Лезгинской кордонной линии и войск расположенных в горной Тушетии, они просто не имели ни единого шанса концентрировать свои силы в нужном количестве и в отличии от прошлых лет, устраивая крепкие завалы на дорогах или же, встречая их в ущельях достойно наседать на авангард и арьергард, а также и атаковать имперские войска по флангам. Заметим, что данному обстоятельству в немалой степени способствовало и тотальное перевооружение Кавказской армии нарезными ружьями состоявшееся сразу же после окончания Крымской войны. С этого момента, лишившись прежней возможности фактически беспрепятственно расстреливать колонны имперских войн с дальнего расстояния [30], да как собственно и многих прочих преимуществ партизанской войны, т.к. Кавказская армия стала и сама партизанить не хуже горцев, а ее опытные солдаты и офицеры в силу долгого нахождения на Кавказе действовать и выглядеть, думать и чувствовать как самые настоящие горцы [22; 29], эти последние (т.е. горцы) были просто вынуждены подстраиваться под новые условия. Однако с этим оные еще не раз показывали русской армии, что есть такое дагестанская упертость и равно что такое

ад. И тут же обозначим, что в период с 1857 по 1859 гг. на территории Дидо произошло немало знаковых сражений за тот или иной отдельно взятый населенный пункт и, в частности, сражение за Хупри (1857) и Шаури (1859) и равно Китури (1858), а также и отдельные позиции на местности как скажем битва за Кодорский перевал (1858), где все-таки сражение за Китури по сведениям источников тогда являлось самым жарким [1; 12; 13].

Нужно обозначить, что ставшее самым знаковым и жарким сражением времен Кавказской войны для всего дидойского нагорья сражение за Китури (самоназвание Кито) состоялось в самом начале четвертой военной экспедиции имперских войск в Дидо, а именно 20 августа 1858 г. Следует отметить, что само селение Китури на момент XIX в. представляло собой относительно небольшой и состоящий по данным собранным В.И. Мочульским в 30-е гг. все того же столетия, не считая различных хозяйственных построек из 40 [34], а по сведениям содержащимся в посемейных списках Дагестанской области из 52 двух жилых домов при 220 жителях обоего пола [37; 41] и разделенный по хозяйственному принципу на верхнюю и нижнюю часть, типичный для того времени дидойский аул возведенный у гребня горы и относящийся к Дидо-Шаитль, – Иланхевийское наибство [34]. «Аул этот» – как писал о том непосредственный участник его штурма полковник де-Сиже «лежит при соединении двух глубоких ущелий Иланхевийского и другого, образуемого крутыми отрогами Богозского хребта», где «по фронту его протекает стремительная речка Иланхеви-ор по левому берегу которой», как опять же на то указывает де-Сежи, «спускаются лесистые отроги хребта Бешо» [1, с. 1104]. Как и во всех других дидойских аулах того времени скученные постройки Китури, были «прилеплены к очень крутому склону, и расположены не по ширине, а вверх в виде гигантской лестницы» в связи с чем «добраться со дна ущелья» до входа в такой аул «вследствие крутизны склона горы», отсутствовала всякая «возможность» [33, с. 279-280]. Как и любое другое дидойский селение того времени Китури – «это скученная на пригорке масса серых, деревянно-каменных клетушек, одна на другой, без дворов, и без улиц. Из каждой клетушки» как на то указывает ранее цитированный этнограф Н.И. Воронов «глядят одно-два отверстия, то круглые, то четырехугольные, без рам и без стекол» где с одной стороны: «это окна», а с другой – «если угодно, – и амбразуры всей этой кучи горских жилищ, устроенных на такой склад с местными стратегическими целями. Брать с бою такую кучу жилищ почти тоже, что брать крепость» [2, с. 12]. И тут же обозначим то, что оборонительный потенциал представленного только что села еще существенно усиливался тем, что внутри него тогда имелось 12 мощных оборонных башен[4].

Из всего только что сказанного можно сделать вывод, который будет говорить о том, что в представленный этап истории селение Китури являло из себя ни больше и ни меньше крепость. Будучи укрепленным самой природой и неимоверным человеческим трудом, продолжавшимся из поколение в поколение, данный аул просто ну ни как не мог быть атакован с тыла, так как от туда его как естественная природная фортеция надежно прикрывала круча нависшей над ним горы, а стоящие тесным рядом и оттого представляющие собой со всех сторон одну сплошную стену, двух, а иногда и трехэтажные сакли аккуратно сложенные из тесаного камня и превышающие их по высоте оборонительные башни, где заметим, что самая высокая и мощная из них надежно прикрывала вход в село[5], и отлогие спуски с горы минимизировали наступление во фронт, а также и по флангам. К тому же нет никакого сомнения, что накануне сражения, а точней и более штурма данного населенного пункта этот последний был еще более укреплен. И действительно, как на то указывают источники [1; 12], в момент неоднократных попыток имперской армии завладеть данным аулом все его узкие, где едва могло разминуться 3-4 человека и извилистые улочки были основательно забаррикадированы, а в селении имелись все необходимые припасы. Как нам удалось это выяснить в ходе состоявшейся в начале марта этого года историко-этнографической экспедиции в Цунтинский район Республики Дагестан в Китури того времени в достаточно большом количестве производился порох, и имелось порядка 13-16 кузен[6]. В этих последних выделывалось первоклассное холодное оружие и с большой долей вероятности отливались пули. Указанием в этому может служить полученное нами от актива селения Китури предание, в котором Квацила из с. Согода, – охотник и меткий стрелок, находившийся в данном ауле во время его обороны и никак не могущий пробить выстрелом броню (кольчугу) одного из противников (офицера армии) просит: «О, вы китуринцы отлейте мне месед (т.е. в переводе с дидойского и аварского языков – золотую, а по версии информаторов почему-то серебряную) пулю (и китуринцы ее отливают) чтоб я мог его поразить»[7]. Хотя в данном предании и имеется определенная доля вымысла и налет приукрашивания, т.к. золото, да как собственно и серебро гораздо более мягкий металл нежели свинец и отлитая из этих благородных металлов пуля объективно, что ничем бы не помогла Квациле, но однако данное предание прямо указывает на то, что китуринцы владели технологией отливки. К тому же в периметрах Китури исторически присутствовали и присутствуют залежи свинца, о чем прямо говорит название находящегося от него всего в нескольких километрах аула Гениятль, что в переводе

означает «над свинцом»[8]. Заметим, что вопрос о производстве огнестрельного оружия в Китури пока еще открыт. Так как на сегодняшний день мы не имеем перед собой ни одного предания или факта прямо, или косвенно указывающего на его производство в данном ауле, а равно и наглядного примера.

Тогда, когда на начало сражения за аул Китури этот последний был основательно укреплен и имел все необходимые припасы продовольствия и военного снаряжения, то в нем присутствовало и немалое число людей его оборонявших. Как на то прямо указывают данные официальных реляций воинских чинов на имя кн. Барятинского и равно данные войсковой разведки, на момент противоборства за данный населенный пункт в нем присутствовало порядка 300 человек [1; 12], где, заметим, что этот знаменатель представляется на порядок большим, чем общая численность населения данного аула. Нужно обозначить, что при общей численности населения Китури приблизительно в 200-220 душ обоего пола [34; 37; 41] его жители могли тогда выставить в ружье не более 70-80 ну или по крайней мере 90 человек, в связи с чем становится самоочевидным, что в обороне оного участвовали не только китуринцы. Однозначно, что в обороне данного населенного пункта принимали участие и мужчины из других дидойских селений, и в особенности аулов Шаури и Гениятль, соседствующих с ним и составляющих вместе с Китури одно сельское общество [37; 41] и просто не имевших шанса по адату там не находится. Заметим, что, имея по данным посемейной переписи Дагестанской области за 1886 г. население в первом случае в 322, а во втором в 140 душ обоего пола [37; 41], что в целом как и в случае с Китури при отнятии 10-15 процентов от данного знаменателя можно посчитать за показатель численности населения данных населенных пунктов во времена Кавказской войны в общей совокупности они могли отправить в Китури не больше 170-180 человек, что тоже было мало. В связи с этим можно смело говорить о том, что остальную часть обороняющихся в данном ауле составляли женщины и представители других дидойских джамаатов. И хотя на сегодняшний день народная память и не сохранила имен, пришедших на помощь китуринцам, кроме выше упомянутого Квацилы из Согады, но однако выдвинутая версия при знании и понимании принципа военно-политического и социального устройства Имамата и Дидо, где, по замечанию Ю.Ю. Карпов, его «общества пронизывали брачные связи», и «они помогали друг другу при необходимости дать отпор внешнему врагу» [42, с. 182] во многом представляется рабочей.

Если на участие в уже не раз упомянутом сражении представителей других дидойских джамаатов указывают только что представленные статистические выкладки и не лишенные здравой логики суждения, то на участи женщин в нем указывают собранные в Китури предания. Так в сюжетной линии одного из них в пылу жаркой и отчаянной борьбы за данное селение группа солдат, преследуя противника и переходя из одной оборонительной башни в другую (что дает нам все основания говорить о том, что народная память подтверждает сообщения официальных документов о взятии части из них на штык), видя длинные волосы, выскочившие из-под папахи, преследуемого им человека, понимает, что перед ними находится не горец, а горянка. Сама девушка, как гласит легенда, дабы не попасться в руки противнику, (а в Китури накануне сражения т.е. 19 августа 1858 г. было принято решение, что женщины, остающиеся в селение ни в коем случаи не должны очутиться в плену), продолжая отчаянно обороняться и не имея другого выбора кроме как сдаться в плен или подняться по лестнице башни прямо на ее крышу, предварительно поразив одного из солдат, поднимается на оную и, не имея шанса спасти себя в бою, выполняет установку джамаата и прыгает оттуда вниз, погибая[9]. Заметим, что подобный сюжет весьма схож с теми преданиями, которые связаны с сражением за Ахульго (1839), и многими прочими, в связи с чем, зная не понаслышке дагестанский менталитет и боевитость дагестанских женщин, о которых М. Алиханов-Аварский и профессор Юрьевского университета Н.И. Кузнецов, посетивший Дагестан в 1892 и 1907 гг., писали, что в своей сущности оные это ни больше и ни меньше тот же самый горец только в юбке и платке [43; 44], данное предание по большей части может быть воспринято за правду. Точно также, как нам кажется во многом аутентичной, будет и легенда, говорящая о том, что одна из китуринок, державшая оборону в родном ауле наравне со своим мужем и сыном (по сюжету предания перезаряжала им ружья, чтоб они не теряли скорости в стрельбе), видя их смерть один за другим прижимает сына к себе и произносит: «в ближайшее время я встречусь с Вами на том свете».

1, 2-й этажи оборонительной башни с. Китури. Фото: Баканов А.В.

После этого, как гласит легенда, где заметим, что и на сегодняшний день жители Китури как один сразу же показывают тот дом, в котором эта семья находилась, она поднимает над собой белую материю и выходит из села по направлению имперских войск. В дальнейшем говоря, что она имеет письменное послание от китуринского джамаата к войсковому начальству штурмующих Китури подразделений армии, данная горянка делая вид, что она достает его из-за пояса вынимает оттуда небольшой кинжал и мстя (а кровная месть исторически являлась в Дагестане и Дидо делом чести) за своего мужа и сына наносит разительный удар офицеру, вышедшему к ней и дальше с этим погибает[10]. Однако, к сожалению, отметим то, что озвученные только что предания дошли до нас без указания имен. Но тут же констатируем то, что и многие другие из преданий об участии женщин Дагестана в сражениях с противником на протяжении истории представленного края, вводились в оборот науки, в таком же безымянном состоянии.

Важно подчеркнуть, что, хотя само сражение за Китури и продолжалось всего лишь навсего 12 ч., где его сюжетная линия начала выстраиваться с 2 ч. дня по полудню 20 августа 1858 г. и завершилась к 2 ч. ночи 21 августа, однако, тем не менее оно имело сложную динамику развития. Как на то прямо указывает в своем донесении на имя генерала И.А. Вревского уже ранее цитированный полковник де-Сиже отряд, состоящий из «21 роты пехоты, взвода сапер, 4 горных орудий, и 3 ½ сотен пешей и двух сотен конной милиции», отправленный для занятия и разорения селения Китури будучи предварительно разделен на две колонны выступил по направлению данного аула в 7 часов утра и к 12 ч. соединился на хребте Бешо. «Несмотря на быстрое движение наше неприятельский наблюдательный пикет предупредил жителей Китури» о движении к нему подразделений войск. «Вследствие сего» как опять же на то прямо указывает де-Сиже находившееся наготове «население» данного аула стало спешно «уходить в горы, уводя» с собой «до 10 т. баранов и рогатого скота и унося свое имущество[11]. Вместе с тем от соседних деревень как со стороны Богосского хребта, так и от Циндакой показались значительные партии спешившие к Иланхевийскому ущелью». <…> «Дабы иметь возможность отбить семейства и стада до соединения неприятеля» продолжает все этот же автор «я двинулся немедля» к данному населенному пункту «по предварительно мною осмотренному» и «весьма удобному в ущелье спуску». <…> «Во 2 часу дня авангард прибыл к аулу, но был встречен сильным ружейным огнем из саклей, башен и прочно устроенных завалов…». «Столь сильная окрестная местность, еще не занятая неприятелем, и решимость его защищаться побудили меня безотлагательно окружить аул со всех сторон и тем лишить защитников его всякой надежды на помощь от приближающихся партий. В связи с этим, несмотря на учащенный огонь из аула» авангард перешел «речку частью по мосту, а частью вброд» после чего «пешая милиция, подкрепленная тушинцами и взводом стрелков» были направлены вправо и влево от аула «с приказанием занять высоты со стороны Богозского хребта». С фронта же в свою очередь были «выдвинуты на правый весьма крутой берег Иланхеви-ора 6 стрелковых рот <…> поставленных на позиции в 300 шагах от аула. Не более как через час времени все окружающие высоты были заняты», и данный населенный пункт полномасштабно окружен [1, с. 1104]. И тут же подчеркнем то, что по завершению блокады Китури над данным населенным пунктом при образном сравнении раскрылись двери ада.

Сражение при Китури

Дома стоят над облаками,
Аул – селение Китури,
Суровый исполин, свидетель и участник страшной и кровавой драмы,
Той драмы, коей и сегодня дышит и живет дидойский мир.

Той драмы, коя нынче – эпос,
Как эпос и сама война,
Кавказская война – год 58-й, проистечение XIX века,
Сражение, с коим разом поседели небеса.

В огне стоят, сгорают сакли,
И воздух едок – порох – черный дым,
Кровавая река, и не одна, бежит, течет по скалам,
И не поймешь, кто нынче мертв, а кто еще пока что жив.

Кто мертв он, жив, хотя не с нами,
А тот, кто жив и рад бы в мир иной,
Свинец как ливень, шашки и кинжалы,
И гром орудий, страшный и протяжный вой.

И сталь крепка, стальные нервы,
И крепок стержень, крепок дух,
И Бог свидетель это все не просто так, будь проклята война, сражение идет за символы и свет ислама,
За землю в коей родились.

За землю, где лежат отцы и деды,
За память предков, их покой,
За край родной – Ватан, за честь ушедших и последующих поколений,
За каждый камень, Отчий Дом.

За каждый камень, эти скалы,
На будущее всем и вся пример,
И слов не нужно, все доказано делами,
Как должен благородно жить, любить и жерт-

вовать собою человек.

(Слова авторские – Баканов Александр В.)

Начиная где-то с 3-х часов дня 28 августа 1858 г. территории аула Китури были взяты в плотное кольцо осады, где, заметим, что справа от него находились роты эриванского, а слева роты тифлисского полка, а с тыла стояли сотни кахетинской и тушинской милиции, а во фронт роты других полков и батальонов, то скажем в этот же рубеж имперские войска *de facto* взяли под контроль и все ведущее к нему нагорье. Нужно обозначить, что данное действие было продиктовано той логикой вещей, что сразу же по обнаружению акцентированного движения имперских войск по направлению выше обозначенного населенного пункта на выручку засевшим в нем горцам в спешном порядке двинулись отдельные, но, однозначно, что заранее стоявшие в ружье дидойские военные отряды. Таким образом, не имея никакого желания хоть как-то усиливать и так весьма и весьма крепкого, но однако отрезанного от внешнего мира противника имперские войска в целях не допущения внешнего прорыва и удара себе в тыл однозначно, что могущих самым решительным образом повлиять на исход всего противоборства, просто-напросто были вынуждены рассредоточиться и в дополнение к уже сомкнувшемуся кругу выстроить еще и достаточно мощное и относительно протяженное полукружие на подступах к представленному только что аулу. «Так как неприятель показался на высотах в тылу у нас…», – пишет де-Сеже, – «то в предупреждении его атак» и движения на расстоянии где-то в 2-3 а то и 4 км. от аула «были выставлены внушительные» и отлично скоординированные между собой «стрелковые заслоны», и пикеты которые как опять же на то прямо указывают источники, занимали и перерезали все коммуникации по направлению к Китури [1, с. 1104]. Заметим, что в тот день они не раз вступали в жаркий и кровавый бой. И тут же обозначим то, что когда в борьбе за вышеприведенный населенный пункт со стороны имперских войск участвовало в целом где-то 3-3,5 т.ч., то половина этого состава применялась в деле штурма и блокады Китури, а остальная часть для плотного контроля близлежащего нагорья.

Из всего только что сказанного можно сделать вывод, который будет говорить о том, что в сражении за Китури имелись основной и вспомогательный театры действий. Следует отметить что т.к. противостояние между заблокированными и спешащими к ним на выручку дидойцами с одной стороны, и частями имперской армии с другой происходило на весьма и весьма ограниченном, да к тому же еще и достаточно замкнутом и трудно проходимом пространстве, то естественно что эти два театра действий были

с. Китури. Правая часть. Фото: Баканов А.В.

тесно взаимосвязаны и находились под руководством одного и того же военного командования, по замыслам которого выше обозначенный аул должен был быть взят в не столь уж продолжительное время. Нужно обозначить, что, попытавшись взять его с наскока, и, в частности, при стремительном, но безрезультатном движении сотен тушинской милиции, обращенной вспять убийственным огнем из саклей и завалов устроенных у самого входа в аул, начальство войск, увидев свой провал, решило изменить стратегию и взять аул по средствам правильного штурма [12]. Как на то прямо указывают источники, данный штурм состоялся фактически сразу же по завершению окружения данного селения, но точно также был безрезультатен. «В надежде на успех» и имея главной целью «стеснить неприятеля» так чтобы он лишился всякой возможности к маневру, данный «удар» основным своим острием «был направлен на правый угол и фланг аула» Китури. Заметим, что «несмотря на убийственный огонь из саклей» колонна штурмующих прикрываемая интенсивной стрельбой 4-х четырехфунтовых горных орудий «заняла более половины аула и утвердилась в нем», но однако ее «дальнейшее движение на башни и завалы было остановлено убийственным перекрестным огнем и атака с этим «захлебнулась». Продолжая развивать наступление и видя, что «действие артиллерии заметно поколебало неприятеля; и занятая Эриванскими стрелками часть аула» заполыхала, «а также и левая часть в которой» к этому времени успели, утвердиться тифлисские стрелки войска вновь двинулись на штурм. Однако результатом данного движения стало то что, встреченные перекрестным огнем, ведомым из саклей и башен колонны войск в очередной раз были остановлены и откатившись назад сумели закрепиться лишь только в нескольких саклях данного аула [1, с. 1104; 12].

Если главнейшими причинами, определившими неудачный исход первого, а как будет в дальнейшем показано и второго штурма аула Китури являлись его крепкие позиции и труднопроходи-

мость той местности, в которой он располагался, то также неудачу войск определяли четкая организация, а равно и упертость горцев. Как на то прямо указывает участвовавший в четвертой военной экспедиции в Дидо в качестве волонтера и своими глазами, видевший все ужасы второго штурма данного аула великий немецкий живописец Теодор Горшельт, написавший множество полотен, посвященных тематике Кавказской войны и в том числе и картину штурм аула Китури [45; 46], на всем протяжении данного действа, обороняющиеся горцы вели себя как единый и отлаженный механизм, где каждый из них четко знал свою позицию, а равно и задачу [47]. В связи с этим «каждую башню, каждую саклю» и даже каждый отдельно взятый завал в данном ауле приходилось брать приступом, который был сродни геройскому поступку [1, с. 1105]. Доказывая это, скажем, то, что, к примеру, «поручик Шереметев участвовавший – 20 августа 1858 года при штурме Иланхевского аула Китури войсками Лезгинского отряда под начальством генерал-лейтенанта барона Вревского вызвавшись в охотники с 3-й стрелковой ротой лейб-гренадерского Эриванского его величества полка для взятия штурмом башен и саклей, наиболее способствовавших упорной обороне аула и сильно занятых горцами» и проявивший себя в этом деле, был награжден 4-й степени георгиевским крестом. Заметим, что аналогичную награду так же получил и прапорщик Шмиттер, который как и вся его рота «вызвался в охотники для вторичного штурма укрепленного аула Китури и бросившись под градом неприятельских пуль на устроенные на улицах завалы, занял их с большой потерей убитых и раненых», и двинувшись на смычные с завалами сакли сумел их запалить и выбить неприятеля от туда [48, л. 1-3].

Следует отметить, хотя подавляющая часть источников относительно китуринского сражения и не содержит практически никаких четких данных относительно состояния дел в лагере осажденных горцев, однако обозначим, представленный пробел, во многом восполняют местные предания. Так, по расспросам местных жителей мы с точностью на 100 процентов можем утверждать, что обороной аула Китури, во время его осады распоряжался лично Иланхевийский наиб того времени Хаджи-Мухаммад, родившийся все в этом же селении. Нужно обозначить, что могила данного наиба, погибшего при обороне родного для себя джамаата, и по сегодняшние дни в виде зиярата сохранена на сельском кладбище, а сам он пользовался должным уважением Имама Шамиля. Это становится очевидным из той информации, которая содержится на страницах дневника А. Руновского, где данный автор приводит сюжет относительно разговора Имама Шамиля с прапорщиком Орловым, заявившим ему, что он сумел пленить Хаджи-Мухаммада, завершившийся категорическим ответом Шамиля, что такого храбреца пленить было просто невозможно [49]. Точно также на сельском кладбище данного аула находится и могила уже известного нам Квацила из Согоды, про которого с большой долей вероятности мы можем говорить, что при обороне Китури он являлся главным помощником и заместителем наиба. Данное обстоятельство можно вывести из той фразы, которую по легенде произнес Хаджи-Мухаммад, узнав о кончине своего товарища. Как гласит предание, не услышав некоторое время голоса своего друга и кунака Квацила, все время раздававшегося до этого где-то поодаль, Иланхевийский наиб спросил окружающих его тогда людей, почему он молчит и когда те ответили, что Квацила уже мертв, он произнес фразу: «сейчас поломалась моя правая рука»[12]. Как нам кажется, данная фраза говорит сама за себя и не требует никакой дополнительной расшифровки. Единственное отметим то, что, когда обстоятельства смерти самого Хаджи-Мухаммада[13] в ходе сражения и по сегодняшний день остаются не выясненными, то смерть Квацила по легенде наступила в результате встречного пулевого ранения, полученного им от того человека, чью броню он не мог дважды пробить с помощью обычной пули, в связи с чем просил китуринцев отлить себе толи серебряную, толи золотую.

Продолжая и развивая сюжетику преданий, отметим то, что помимо вышеприведенной информации, они дают еще ряд ценных указаний. Как опять же на то указывают материалы собранные нами в селении Китури, – Квацила из Согоды, являлся крайне опытным и метким стрелком, в связи с чем в дневное время обороны аула он вел стрельбу лишь только по представителям офицерского состава что в целом подтверждается логикой и стратегией ведения военных действий и другими тому подобными примерами Кавказской войны, где горцы первым делом стремились вывести из строя руководящий состав подразделений армии, а в свою очередь при наступлении сумерек в своей стрельбе ориентировался на огонек табачной трубки[14]. Таким образом смерть данного человека просто ну никак не могла наступить раньше позднего вечера или даже ночи 20 августа 1858 г. Точно также и смерть Хаджи-Мухаммада не могла наступить раньше этого времени, что указывает на то что скорее всего они оба погибли во время второго штурма данного аула, а, может, даже и того позднее. Помимо этого, голос Квацила, который Хаджи-Мухаммад постоянно слышал поодаль от себя до самой смерти своего кунака, – это не просто так сказать разговор от делать нечего, а как минимум направляющие и руководящие распоряжения помощника, а то и вовсе координация и сверка действий двух военноначальников, расположенных на разных направлениях обороны. Находясь в замкнутом пространстве, где, заметим, что по данным пре-

дания Хаджи-Мухаммад вел оборону в головной башне, прикрывающей вход в аул, а, значит, и его правый фланг, и в условиях ведения боевых действий в застройке, да к тому же еще и пылающей они просто напросто не могли видеть всех маневров противника и были обязаны сообщать и подсказывать друг другу о том, что происходит у каждого из них в тылу и исходя из этого координировать, а равно и выстраивать линейку действий. Заметим, что для большего урона армии, дидойцами, как говорит о том предание, производилось отравление пуль[15]. А яд изготовлялся из травы с самоназванием «*заг*» и по сегодняшние дни растущей у селения[16].

Как на то было указанно выше тогда, когда состоявшееся 20 августа 1858 г. противоборство, а точней и более откровенная драка за селение Китури по большей части происходили в скученной застройке, то скажем это и определяло тактику, а равно и стратегию военных действий. Следует отметить, что прежде чем попасть в данный населенный пункт расположенным как по его флангам, так и во фронт подразделениям армии изначально приходилось проделать достаточно непростой путь по крутому склону горы и лишь только после этого втискиваться в его узкие и извилистые улочки, преодолевая множество завалов. Все это время, будучи построены в две или три шеренги, и не имея возможности для маневра, они находились под интенсивным огнем расположенного по саклям и башням противника, в связи с чем их численный состав очень сильно редел. Прорываясь же в аул и рассыпаясь по оному им приходилось моментально разделяться на небольшие штурмовые отряды и сталкиваясь с тем что все окна и двери башен и саклей за исключением используемых как бойницы оставались наглухо закрыты, страхуя друг друга на каждой пяди земли и все также находясь под прямым боем противника, забрасывать в эти бойницы ручные гранаты. Проявляя чудеса храбрости и отваги, и продвигаясь в условиях вязкого уличного боя данные группы, пользуясь интенсивной артиллерийской поддержкой и просчитывая ритм перезарядки своих, а равно и чужих ружей и используя наспех сделанные штурмовые лестницы, брали на штык отдельные сакли, а также и башни, и даже умудрялись проводить отдельные маневры. Закрепляясь же в выгодно расположенных саклях и башнях и поджигая с точки зрения баллистики ненужные они моментально переходили к активной обороне и начинали сдерживать ответные атаки горцев. Заметим, что в свою очередь эти последние точно так же, как и имперские войска на всем протяжении штурма, действовали малыми, но однако отлично слаженными и скоординированными между собой группами активно отвечающими ударом на удар. Заметим, что таким в целом был и первый, и второй штурм аула Китури [1, с. 1103-1005]. И тут же обозначим то, что второй штурм аула Китури при отводе войск на изначальные позиции точно так же, как и первый не имел положительного исхода, и то, что именно в ходе этого последнего были смертельно ранены начальник штаба войск, участвовавших в 4-й военной экспедиции в Дидо, подполковник Гарнет и начальник Лезгинской кордонной линии и данной экспедиции, герой Кавказской войны барон, генерал-лейтенант И.А. Вревский.

Важно подчеркнуть, что, хотя некоторые дагестанские специалисты в области изучения Кавказской войны и стараются преподнести случайный выстрел, нанесший смертельное ранение генерал-лейтенанту И.А. Вревскому неким фатальным явлением, которое спасло Китури от неминуемой гибели, да еще и сорвало все планы имперского военного командования относительно 3-й военной экспедиции в Дидо, однако, обозначим то, что все это есть лишь плод их собственных фантазий. Да, действительно, по предварительной обработке и осмотру полученных ран этого военноначальника он вместе с другими ранеными и убитыми в деле при Китури и частями сопровождающих их войск был эвакуирован через горных хребет Бешо по направлению грузинского города Телави, но тем не менее представленное обстоятельство не означало прекращения военных действий. Наоборот, при назначении генерала И.М. Андроникова на должность начальника войск, расположенных на лезгинской кордонной линии, и делегировании руководства экспедицией в Дидо полковнику Карганову [1, с. 1107], эти последние (т.е. военные действия) были продолжены и как на то прямо указывают источники, доведены до их логического завершения. Говоря об экспедиции в Дидо отметим, что последняя продолжалась вплоть до 30 августа 1858 г. и только после этого войска ушли за зимние квартиры [1, с. 1107-1110, 12; 40]. Возвращаясь же в Китури обозначим то, что и в этом случаи если так можно выразиться дело было доведено до конца и где-то между 2 и 3 часами ночи 21 августа 1858 г. имперские войска вошли и утвердились на развалинах селения [1, с. 1106]. Отметим, что по официальным реляциям данное утверждение произошло в результате третьего штурма, но, однако, народная память подобного не знает. Заметим, что в ее сюжетной линии крайне потрепанные и изнуренные длительным и упорным противоборством остатки сил обороняющихся предварительно захоронив всех убитых прямо в башнях, саклях и мечети, дабы не быть уничтоженными полностью сами оставили пепелище, и под покровом ночи пользуясь труднодоступностью тыльной стороны аула и знанием местности сумели проскользнуть мимо пикетов иррегулярной милиции расставленных по горным кручам[17]. К тому же это усиливается другим преданием, говорящим о том, что на всем протяжении осады Китури, это селение не было до конца отрезано от

внешнего мира, в связи с чем обороняющиеся горцы, как говорит легенда на свой страх и риск периодически умудрялись эвакуировать своих раненых в местность Тешо, расположенную по направлению селения Нахуратль[18]. И тут же обозначим то, что столь стойкое сопротивление дидойцев в деле обороны Китури, с условием, что данное сражение являлось первым при начале четвертой экспедиции в Дидо [1; 12; 40], во многом было продиктовано необходимостью как можно дольше стопорить движение имперских войск и с этим дать возможность остальным аулам данного района успеть произвести полномасштабную эвакуацию гражданского народонаселения, а равно и своих имуществ.

Приведя данный пример, и в частности пример сражения за Китури, лишь только ради того, чтобы наглядным образом показать, что ни одна из состоявшихся между 1857 и 1859 гг. военных экспедиций в Дидо не являлись для имперской армии легкой прогулкой, и непосредственно возвращаясь к заглавной теме данного статейного исследования вновь скажем то, что все в этот же рубеж представленный район подвергся разорению. Как на то было указанно ранее в данный отрезок времени, территории Дидо лишились как минимум половины своей материально-технической и экономической базы, в связи с чем эти последние хотя еще и имели средства и ресурсы для поддержания своего собственного существования, но в отличие от прошлого уже практически не могли подпитывать соседствующие с ними общества и территории в масштабах Имамата. Заметим, что данное обстоятельство, как и задумывалось имперскими властями породило тот процесс, что, начиная с 1858 г., эти общества, будучи сами объяты пламенем войны и лишенные в связи с этим своей собственной материально-технической и экономической базы, не видя практически никакого военного и экономического вспоможения извне, в целях спасения от неминуемой гибели стали откалываться от Имамата и учиняя клятву верности переходить на сторону России. Как на то прямо указывают источники уже летом 1858 г. на сторону России в большей части перешли анцухцы и капучинцы [1, с. 1107], а в июне – начале августа 1859 г. весь Анцух, Капуча, Томс, Богос, Тлейсерух, Каралал и многие прочие дагестанские общества и местности [1], представлявшие тогда, как минимум, 10 процентов от общей территории Имамата предварительно прекратив всякое сопротивление, вошли в состав общероссийского пространства. Как факт, все тоже самое тогда происходило и в Дидо. И обосновывая данный тезис скажем, то что уже в проистечении февраля 1858 г. на сторону России перешло народонаселение дидойского селения Хушет [1, с. 1072], а летом 1858 г. дидойские селения Асах и Акторелли где их народонаселение в составе 1000 человек до окончания войны переселялось в кахетинские приалазанские провинции и стало применяться в деле покорения Дидо [1, с. 1110, с. 1112-1113], а в июле 1859 г. такие села как Ретло и Кемело, Цисаро, Чалиаахо [1, с. 1154-1155].

Тогда, когда процесс окончательной и бесповоротной интеграции дидойского нагорья в состав общероссийского пространства стал прослеживаться и пошагово развивать в последние годы Кавказской войны, то, скажем, завершился он лишь только с покорением Имамата. Нужно обозначить, что 25 августа 1859 г. со сдачей Имама Шамиля в плен и расформированием государства горцев Дагестана и Чечни было завершено многолетнее и крайне дорого стоившее и России, и всему Восточному Кавказу вооруженное противостояние, где сразу же после этого события народонаселение абсолютно всех еще не покорившихся дидойских сел, последовав примеру Шамиля, сложило оружие и прекратило всякое сопротивление. Еще до образования Дагестанской области из территорий Дидо было сформировано единое дидойское наибство [41, с. 15], которое по образованию данной территориально-административной единицы было отнесено в состав Гунибского округа и просуществовало вплоть до 1917 года. На протяжении этого времени, и даже впервые годы советской власти, как имперскими, так и советскими властями признавалось что дидойцы (самоназвание цезы), – это самостоятельный народ, но, однако, с 1930-х гг. ввиду «политики советских властей по «упрощению» этнического состава Дагестана» так отчаянно оборонявшие свою культуру, традиции и идентичность во времена Российской Империи «дидойцы директивным образом исчезли из материалов переписи народов СССР», где данное явление на уровне «официальной пропаганды» объяснялось «объективной» и «прогрессивной» «консолидацией малых народов горного Дагестана с соседствующими аварцами». Между тем, как это подчеркивается в справке на запрос Администрации Президента РФ за № А26-01-12240931-СО1 от 03.02.2023, адресованный Российской академии наук, Институту этнологии и антропологии РАН «столь масштабных консолидационных процессов в регионе не происходило» и «формальное причисление к аварцам искажало подлинную картину этнокультурного и языкового многообразия в Дагестане, лишало «несуществующие» народы государственной поддержки в сфере культурного развития, вызывало в среде дидойского самосознания недовольство, в том числе до сих пор бытующим термином *аваро-андо-цезские народы*, фиксирующим якобы имеющую место интегральность этнокультурного облика этих этнических групп» [50, л. 2]. Заметим, что и по сегодняшние дни историческая справедливость остается не восстановленной и дидойцы, как и все другие официально исчезнувшие во времена советского этнического конструктивизма, но

на самом деле и поныне существующие этникосы Дагестана не внесены в Конституцию – главный документ Республики Дагестан и тем самым с точки зрения буквы закона продолжают выступать несуществующими народами. И это все при том, что «итоги Всероссийской переписи населения 2020/21 г. в сочетании с материалами предыдущих российских переписей следует рассматривать как достаточные в качестве основы для решения о включении населения, относящего себя к андийцам, ахвахцам, багулалам, бежтинцам, ботлтхцам, гинухцам, годоберинцам, гунзибцам, дидойцам (цезам), каратинцам, тиндалам, хваршинам, чамалалам» а также «арчинцам», отнесенными ранее к аварцам, а равно и «кайтагам» и «кубачинцам», причисленным к даргинцам «в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации» [51, л. 1] и значит Конституцию РД.

Советскому этническому конструктивизму и его отражению в Дагестане, посвящается

Поник дидоец головой,
Узнав, что оный стал аварцем,
Да, правда, что дидоец был и есть, и вечно будет оставаться самым настоящим горцем – магIарло,
Но, все же, это и аварец – не одно,
Ведь данному народу исторически присущи: свой язык, а равно и культура, и история, сознание.

То был народ, и нет его,
Да здравствуй, торжествуй наука!
Этнический конструктивизм – эксперимент на укрупнение, шагает и уверенно берет свое,
Приказом партии соединяет все и вся в одно,
Унифицирует, ломает и калечит судьбы.

Так как же так, и в чем же суть?
Зачем же и кому же нужно?
Но вряд ли кто-то сможет должно объяснить все то,
Под козырек и точка, решено,
Сказали укрупнить и слить в один народ, так значит и не нужно думать.

Теперь уже все решено,
То был народ и что же?
Хотя в СССР и приняли решение, что дидойцы и аварцы, – то одно,
Но все же, несмотря на все превратности судьбы и трудности дидойцы – цезы и поныне только – магIарло,
Как были созданы Всевышним цезами, так, собственно, и дальше только ими будут!

(Слова авторские – Баканов А. В.)

Примечания

[1] Убит во время похода в Грузию 1854 г., могила находится в с. Хупро. Информация любезно предоставлена уроженцем с. Гениятль Цунтинского Района Республики Дагестан Асхабовым Магомедрасулом Магомедовичем 1973 года рождения.

[2] К примеру, в селении Гениятль, во время схода, решающего сельские вопросы любой посторонний человек (даже если он являлся самым близким родственником кого-либо из жителей данного аула) выводился в местность РолIизия, расположенную за его пределами на расстоянии где-то в 2 км. и лишь только после завершения работы схода получал возможность вернуться в данный населенный пункт. Записано со слов Асхабова Магомедрасула Магомедовича.

[3] По данным, приведенным подполковником Генерального штаба имперской армии В.И. Мочульским на 30-е гг. XIX в. население Дидо приблизительно равнялось 7 т.ч. Академик А. Берже, пользуясь данными разведки 1846 и 1852 гг. в 1858 г., приводит цифру в 4 т.ч. Точно такую же цифру в 4 т.ч. в 60-х гг. XIX столетия фиксирует и генерал А. Комаров, а по сведениям посемейной переписи населения Дагестанской области за 1886 г. – население Дидо было чуть больше 5 т.ч.

[4] Данная информация получена от актива жителей с. Китури в ходе состоявшейся в начале марта 2024 г. историко-этнографической экспедиции автора данного статейного исследования в Цунтинский Район Республики Дагестан.

[5] Данные сведения также получены от актива жителей с. Китури.

[6] Автор благодарит за эту информацию уроженца с. Китури Османова Османа (Убайдуллу) Валиевича, 1959 года рождения.

[7] Предание записано со слов актива жителй с. Китури, сохранивших его из рассказов своего односельчанина Курбана Чанхаевича Омарова (1923-2010 гг.).

[8] Автор благодарит Асхабова Магомедрасула Магомедовича уроженца с. Гениятль за перевод названия данного населенного пункта.

[9] Данное предание записано со слов актива жителей с. Китури, сохранивших его из рассказов своего односельчанина Курбана Чанхаевича Омарова (1923-2010 гг.).

[10] Данное предание также записано со слов актива жителей с. Китури, сохранивших его из рассказов своего односельчанина Курбана Чанхаевича Омарова (1923-2010 гг.).

[11] По сообщению Османова Османа (Убайдуллы) Валиевича, уроженца с. Китури 1959 года рождения, в данную эвакуацию попал и русский солдат перебежчик по имени Иса, который к тому времени некоторое количество лет жил в данном селении. По мнению информатора, эвакуация данного человека обосновывалась желанием китуринцев спасти его от возможного плена, и последующей неминуемой гибели, как предателя Отечества и Веры. Как нам кажется, наравне с этим, данное обстоятельство могло быть продиктовано и перестраховкой китуринцев на случай, если вдруг ввиду этнической консолидации или же агентурно-разведывательной деятельности, солдат перебежчик по имени Иса, как человек, прекрасно освоившийся в Китури и знающий окрестную местность и все секреты данного общества, перейдет на сторону имперских войск и начнет оказывать им содействие. Как бы там ни было, доказательством наличия такого человека в упомянутом обществе служит то, что на сегодняшний день в с. Китури имеется род (тухум) Исас, образованный из его потомков. Помимо этого, также следует отметить, что, по мнению автора, скорее всего данная эвакуация

являлась не чисто эвакуацией жителей и имущества с. Китури, а единой эвакуацией жителей и имущества с. Китури, с. Шиитля, и с. Гениятль, представлявших и поныне представляющих единое общество. Эвакуация производилась в местность KIakIacгуз (пер. – пещерница).

[12] Данное предание записано со слов актива жителей с. Китури, сохранивших его из рассказов своего односельчанина Курбан Чанхаевича Омарова (1923-2010 гг.).

[13] По легенде его тело было спрятано китуринцами в пещере недалеко от села и захоронено только на 8-й день после гибели, что в целом соответствует времени окончания 4-й военной экспедиции имперских войск в Дидо. Данная информация получена от актива жителей с. Китури, сохранивших ее из рассказов своего односельчанина Курбан Чанхаевича Омарова (1923-2010 гг.).

[14] Данное предание зафиксировано со слов актива жителей с. Китури, сохранивших его из рассказов своего односельчанина Курбана Чанхаевича Омарова (1923-2010 гг.).

[15] Это предание также получено от актива жителей с. Китури, сохранивших его из рассказов своего односельчанина Курбана Чанхаевича Омарова (1923-2010 гг.).

[16] Автор статьи благодарит актив жителей с. Китури за полезную информацию.

[17] Данная информация записана со слов Османова Османа (Убайдуллы) Валиевича, уроженца с. Китури 1959 года рождения.

[18] Данное предание зафиксировано со слов актива жителей с. Китури, сохранивших его из рассказов своего односельчанина Курбана Чанхаевича Омарова (1923-2010 гг.).

Литература и источники

1. АКАК. Т. XII. Тифлис, типография главного управления наместника кавказского, 1904. – 1552 с.
2. Воронов Н.И. Из путешествия по Дагестану // ССКГ. Вып. I. Тифлис, типография главного управления наместника кавказского, 1868. С. 60-86.
3. АКАК. Т. VII. Тифлис, типография главного управления наместника кавказского, 1878. – 994 с.
4. АКАК. Т. VIII. Тифлис, типография главного управления наместника кавказского, 1881. – 1009 с.
5. АКАК. Т. IX. Тифлис, типография канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1884. – 1013 с.
6. Покровский Н.И. Кавказские войны и Имамат Шамиля. М.: РОССПЭН, 2000. – 511 с.
7. Магомедханов М.М., Баканов А.В., Гарунова С.М. К истории Российского управления Северо-Восточным Кавказом // Клио. 2019. № 6. С. 65–75.
8. Баканов А.В. Бекизация политической системы Дагестана: история и современность (Часть 1: история) // Клио. 2024. №2. С. 80-90.
9. Лугуев С.А., Магомедов Д.М. Дидойцы (цезы). Историко-этнографическое исследование. XIX – начало XX века. Махачкала, ИИАЭ ДНЦ РАН, 2000. – 206 с.
10. АКАК. Т. X. Тифлис, типография канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1885. – 936 с.
11. Российский Государственный военно-исторический архив (РГВИА) Ф. 846. Оп. 16. Д. 6677.
12. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6601.
13. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6662.
14. Хашаев Х.-М.О. Общественный строй Дагестана в XIX в. М.: АН СССР, 1961. – 260 с.
15. Союзы сельских общин Дагестана. Сборник статей. / под. ред. В.Г. Гаджиева. Махачкала, ИИЯЛ ДФ АН СССР, 1981. – 166 с.
16. Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. Махачкала, ИИАЭ ДНЦ РАН, 2014. – 290 с.
17. История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. / под. ред. М.О. Косвена и Х-М.О. Хашаева. М.: издательство восточной литературы, 1958. – 371 с.
18. Отчет по управлению Кавказским краем за 1846, 1847 и 1848 годы. Тифлис, типография канцелярии наместника Кавказа, 1849. – 123 с.
19. Отчет по управлению Кавказским краем за 1846, 1847 и 1848 годы. Тифлис, типография канцелярии наместника Кавказа, 1852. – 253 с.
20. Российский Государственный исторический архив (РГИА) Ф. 954. Оп. 1. Д. 70.
21. Марков Е.Л. Очерки Кавказа: картины кавказской жизни, природы и истории. СПб.: издание товарищества М.О. Вольфа, 1913. – 571 с.
22. Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, военно-походная тип. главного штаба кавказской армии, 1860. – 159 с.
23. Потто, В.А. Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. I-IV. Тифлис, тип. И.Я. Либермана, 1901-1908.
24. Дубровин, Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. I-VI. СПб.: тип., деп. уделов, 1871-1888.
25. Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. СПб.: Звезда, 2000. – 683 с.
26. Даргинская трагедия. 1845 год. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. СПб.: Звезда, 2001. – 616 с.
27. РГИА. Ф. 954. Оп. 1. Д. 71.
28. Тарле Е.В. Крымская война. Т. I-II. М.-Л.: АН СССР. 1950.
29. Фадеев Р.А. Письма с Кавказа к редактору московских ведомостей. СПб.: тип. Безобразова и К., 1865. – 259 с.
30. Романовский Д.И. Генерал-фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский и Кавказская война. СПб.: 1881. – 72 с.
31. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6599.
32. Отчет наместника кавказского и главнокомандующего Кавказской армией за 1857, 1858, 1859. Тифлис, типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1861. – 403 с.
33. Сержпутовский А.К. Поездка в нагорный Дагестан // Живая старина. Периодическое издание отделения этнографии Русского географического общества. Петроград, Типография С.В. Смирнова, 1916. С. 273-302.
34. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3912
35. Берже А. Краткий обзор горских племен на Кавказе. Тифлис, типография канцелярии наместника Кавказа, 1858. – 46 с.
36. Комаров А.В. Народонаселение Дагестанской области с этнографической картой. Тифлис, типография главного управления наместника кавказского, 1867. – 41 с.
37. Центральный Государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД) Ф. 21. Оп. 5. Д. 114.
38. РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 173.
39. РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 199.
40. РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 174.
41. Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, Русская типография В.М. Сорокина, 1895 г. – 613 с.

42. Карпов Ю.Ю. Цезы: (малый народ Дагестана) видение себя и взгляд со стороны // Историческая этнография. Выпуск 1. Вопросы этнической истории народов России. Межвузовский сборник. / отв. ред. проф. А.В. Гадло. СПб.: издательство Санкт-Петербургского университета, 2004. С. 177-190.
43. Алиханов М. В горах Дагестана: путевые впечатления и рассказы горцев. Махачкала, Эпоха, 2005. – 413 с.
44. Кузнецов Н.И. В дебрях Дагестана. СПб.: издание императорского географического общества, 1913. – 270 с.
45. Теодор Горшельт. Кавказские сцены. СПб.: И. Гофферт, 1872. – 4 с., 21 л.
46. Теодор Горшельт (биографический очерк). СПб.: скоропечатное заведение В. Кене и К, 1872. – 1 с.
47. Абдуллаева З.А. Кавказ глазами именитого немецкого художника Теодора Горшельта. Грозный, книжное издательство, 2007. – 107 с.
48. РГИА. Ф. 496. Оп. 2. Д. 1761.
49. Руновский А. Записки о Шамиле. Махачкала, дагестанское книжное издательство, 1989. – 176 с.
50. Историческая справка ДИДОЙЦЫ МАЛОЧИСЛЕННЫЙ НАРОД ГОРНОГО ДАГЕСТАНА подготовленная ведущим научным сотрудником ИАЭ РАН Ю.Д. Анчабадзе. 10.10.2023 №14110/01.19-610.
51. Дополнение к ранее направленной информации Исх. №14110/01.19-610 от 10.10.2023. Исп. Степанов Валерий Владимирович, к.и.н., в.н.с. Центра этнополитических исследований Института этнологии и антропологии РАН. 23.10.2023 №14110/01.19-636.

References

1. AKAK. [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission]. T. XII. Tiflis, tipografiya glavnogo upravleniya namestnika kavkazskogo, 1904. – 1552 p.
2. Voronov N.I. Iz puteshestviya po Dagestanu [From trip to Dagestan] // SSKG. Vy`p. I. Tiflis, tipografiya glavnogo upravleniya namestnika kavkazskogo, 1868. pp. 60-86.
3. AKAK. T. VII. Tiflis, tipografiya glavnogo upravleniya namestnika kavkazskogo, 1878. – 994 p.
4. AKAK. T. VIII. Tiflis, tipografiya glavnogo upravleniya namestnika kavkazskogo, 1881. – 1009 p.
5. AKAK. T. IX. Tiflis, tipografiya kancelyarii glavnonachal`stvuyushhego grazhdanskoj chast`yu na Kavkaze, 1884. – 1013 p.
6. Pokrovskij, N.I. Kavkazskie vojny` i Imamat Shamilya. [Caucasian wars and Shamil's Imamat]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2000. – 511 p.
7. Magomedxanov M.M., Bakanov A.V., Garunova S.M. K istorii Rossijskogo upravleniya Severo-Vostochny`m Kavkazom [On the history of the Russian administration of the North-Eastern Caucasus]. Klio. 2019. vol. 6. pp. 65–75.
8. Bakanov A.V. Bekizaciya politicheskoj sistemy` Dagestana: istoriya i sovremennost` (Chast` 1: istoriya) [Bekization of the political system of Dagestan: history and modernity (Part 1: history)]. Klio. 2024. vol. 2. pp. 80-90.
9. Luguev S.A., Magomedov D.M. Didojcy (cezy`). Istoriko-e`tnograficheskoe issledovanie. XIX – nachalo XX veka. [Didoytsy (Tsez). Historical and ethnographic research. XIX – early XX centuries]. Maxachkala, IIAE` DNCz RAN Publ., 2000. – 206 p.
10. AKAK. T. X. Tiflis, tipografiya kancelyarii glavnonachal`stvuyushhego grazhdanskoj chast`yu na Kavkaze, 1885. – 936 p.
11. Rossijskij Gosudarstvenny`j voenno-istoricheskij arxiv (RGVIA) [Russian State Military Historical Archive (RGVIA)] F. 846. Op. 16. D. 6677.
12. RGVIA. F. 846. Op. 16. D. 6601.
13. RGVIA. F. 846. Op. 16. D. 6662.
14. Xashaev X.-M.O. Obshhestvenny`j stroj Dagestana v XIX v. [Social system of Dagestan in the 19th century]. Moscow: AN SSSR Publ., 1961. – 260 p.
15. Soyuzy` sel`skix obshhin Dagestana. Sbornik statej [Unions of rural communities of Dagestan]. / ed. V.G. Gadzhiev. Maxachkala, IIYaL DF AN SSSR Publ., 1981. – 166 p.
16. Aglarov M.A. Sel`skaya obshhina v Nagornom Dagestane v XVII – nachale XIX v. [Rural community in Nagorny Dagestan in the 17th – early 19th centuries]. Maxachkala, IIAE` DNCz RAN Publ., 2014. – 290 p.
17. Istoriya, geografiya i e`tnografiya Dagestana XVIII-XIX vv. [History, geography and ethnography of Dagestan XVIII-XIX centuries]. / ed. M.O. Kosven i X-M.O. Xashaev. Moscow: izdatel`stvo vostochnoj literatury Publ., 1958. – 371 p.
18. Otchet po upravleniyu Kavkazskim kraem za 1846, 1847 i 1848 gody [Report on the management of the Caucasian region for 1846, 1847 and 1848]. Tiflis, tipografiya kancelyarii namestnika Kavkaza, 1849. – 123 p.
19. Otchet po upravleniyu Kavkazskim kraem za 1846, 1847 i 1848 gody. [Report on the management of the Caucasian region for 1846, 1847 and 1848]. Tiflis, tipografiya kancelyarii namestnika Kavkaza, 1852. – 253 p.
20. Rossijskij Gosudarstvenny`j istoricheskij arxiv (RGIA) [Russian State Historical Archive (RGIA)] F. 954. Op. 1. D. 70.
21. Markov E.L. Ocherki Kavkaza: kartiny` kavkazskoj zhizni, prirody` i istorii. [Sketches of the Caucasus: pictures of Caucasian life, nature and history]. St. Petersburg: izdanie tovarishhestva M.O. Vol`fa, 1913. – 571 p.
22. Fadeev R.A. Shest`desyat let Kavkazskoj vojny [Sixty years of the Caucasian War]. Tiflis, voenno-poxodnaya tip. glavnogo shtaba kavkazskoj armii Publ., 1860. – 159 p.
23. Potto, V.A. Utverzhdenie russkogo vlady`chestva na Kavkaze [Establishment of Russian rule in the Caucasus]. V. I-IV. Tiflis, tip. I.Ya. Libermana Publ., 1901-1908.
24. Dubrovin, N.F. Istoriya vojny` i vlady`chestva russkix na Kavkaze [History of the war and Russian rule in the Caucasus]. V. I-VI. St. Petersburg: tip., dep. udelov, 1871-1888.
25. Osada Kavkaza. Vospominaniya uchastnikov Kavkazskoj vojny` XIX veka [Siege of the Caucasus. Memoirs of participants in the Caucasian War of the 19th century]. St. Petersburg, Zvezda Publ., 2000. – 683 p.
26. Darginskaya tragediya. 1845 god. Vospominaniya uchastnikov Kavkazskoj vojny` XIX veka [Dargin tragedy. 1845 Memoirs of participants in the Caucasian War of the 19th century]. St. Petersburg, Zvezda Publ., 2001. – 616 p.
27. RGIA. F. 954. Op. 1. D. 71.
28. Tarle E.V. Kry`mskaya vojna [Crimean War]. V. I-II. M.-L.: AN SSSR Publ., 1950.
29. Fadeev R.A. Pis`ma s Kavkaza k redaktoru moskovskix vedomostej. [Letters from the Caucasus to the editor of Moscow Vedomosti]. St. Petersburg, tip. Bezobrazova i K., 1865. – 259 p.
30. Romanovskij D.I. General-fel`dmarshal knyaz` Aleksandr Ivanovich Baryatinskij i Kavkazskaya vojna [Field Marshal Prince Alexander Ivanovich Baryatinsky and the Caucasian War]. St. Petersburg, 1881. – 72 p.
31. RGVIA. F. 846. Op. 16. D. 6599.
32. Otchet namestnika kavkazskogo i glavnokomanduyushhego Kavkazskoj armiej za 1857, 1858, 1859 [Report of the governor of the Caucasus and commander-in-chief of the Caucasian army for 1857, 1858, 1859]. Tiflis, tipografiya Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1861. – 403 p.
33. Serzhputovskij A.K. Poezdka v nagorny`j Dagestan [Trip to mountainous Dagestan]. Zhivaya starina. Periodicheskoe izdanie otdeleniya e`tnografii Russkogo geograficheskogo obshhestva. Petrograd, Tipografiya S.V. Smirnova, 1916. pp. 273-302.
34. RGVIA. F. 846. Op. 16. D. 3912.
35. Berzhe A. Kratkij obzor gorskix plemen na Kavkaze [Brief overview of mountain tribes in the Caucasus]. Tiflis, tipografiya kancelyarii namestnika Kavkaza, 1858. – 46 p.

36. Komarov A.V. Narodonaselenie Dagestanskoj oblasti s e`tnograficheskoj kartoj [Population of the Dagestan region with an ethnographic map]. Tiflis, tipografiya glavnogo upravleniya namestnika kavkazskogo, 1867. – 41 p.
37. Central`ny`j Gosudarstvenny`j arxiv Respubliki Dagestan (CzGA RD) [Central State Archive of the Republic of Dagestan] F. 21. Op. 5. D. 114.
38. RGVIA. F. 482. Op. 1. D. 173.
39. RGVIA. F. 482. Op. 1. D. 199.
40. RGVIA. F. 482. Op. 1. D. 174.
41. Pamyatnaya knizhka Dagestanskoj oblasti. [Memorial book of the Dagestan region]. Temir-Xan-Shura, Russkaya tipografiya V.M. Sorokina, 1895 g. – 613 p.
42. Karpov Yu.Yu. Cezy`: (maly`j narod Dagestana) videnie sebya i vzglyad so storony` [Tsezy: (small people of Dagestan) vision of oneself and a view from the outside]. Istoricheskaya e`tnografiya. Iss. 1. ed. prof. A.V. Gadlo. St. Petersburg, SSU Publ., 2004. pp. 177-190.
43. Alixanov M. V gorax Dagestana: putevy`e vpechatleniya i rasskazy` gorcev [In the mountains of Dagestan: travel impressions and stories of mountain people]. Maxachkala, Epoxa Publ., 2005. – 413 p.
44. Kuzneczov N.I. V debryax Dagestana [In the wilds of Dagestan]. St. Petersburg, izdanie imperatorskogo geograficheskogo obshhestva Publ., 1913. – 270 p.
45. Teodor Gorshel`t. Kavkazskie sceny [Caucasian scenes]. St. Petersburg, I. Goffert Publ., 1872. – 4 p.
46. Teodor Gorshel`t (biograficheskij ocherk) [Theodor Gorschelt (biographical sketch)]. St. Petersburg, skoropechatnoe zavedenie V. Kene i K Publ., 1872. – 1 p.
47. Abdullaeva Z.A. Kavkaz glazami imenitogo nemeczkogo xudozhnika Teodora Gorshel`ta [The Caucasus through the eyes of the famous German artist Theodor Horschelt]. Grozny`j, knizhnoe izdatel`stvo Publ., 2007. – 107 p.
48. RGIA. F. 496. Op. 2. D. 1761.
49. Runovskij A. Zapiski o Shamile. [Notes about Shamil]. Maxachkala, dagestanskoe knizhnoe izdatel`stvo Publ., 1989. – 176 p.
50. Historical background DIDOITS SMALL PEOPLE OF MOUNTAIN DAGESTAN prepared by leading researcher at the Institute of Atomic Energy RAS Yu.D. Anchabadze. 10.10.2023 no.14110/01.19-610.
51. Addition to previously sent information Ref. No. 14110/01.19-610 dated 10.10.2023. Stepanov Valerij Vladimirovich, Center for Ethnopolitical Studies of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. 23.10.2023 no.14110/01.19-636.

© «Клио», 2024
© Баканов А.В., 2024